

Tul_05_101

17.07.2005. Тульчин

Инф.: **Святелик Виктор Андреевич (ВС)**, 1947 г.р., Тульчин.

Соб.: А. Соколова (АС), Александр Львов (АЛ).

АС: Нет, вот говорили не про двухэтажный, по-моему, а вот про этот...

ВС: Я не говорил, что этот дом... это рядом со стадионом. Это дом, в котором у нас постоянно... его реквизируют, хотя он такой невзрачный. И там были почти все секретари райкома.

АЛ: А вот это что за дом?

ВС: А это... сейчас это ну прокуратура, суд, а вообще-то старые... так ничего... я говорю, что не особенно ему верю. Он говорит, что это якобы все было Розенфельда, по крайней мере, во время НЭПа.

М: То есть Розенфельд – это был самый-самый...

ВС: Самый богатый, да. Этот вот... есть Гликлик – он жил в музее. Что якобы все... а я говорю – чего он делал, Розенфельд? Он говорит – он сало продавал. А кому он сало продавал. – Он советской... Красной армии он сало продавал. Ну, может быть вообще-то. Я не знаю...

АС: Он поставщик мог быть...

ВС: Поставщик. Потому что тут стояла дивизия Котовского, вот.

АС: То есть вот этот двухэтажный...

ВС: Дом... якобы дом Зака... это...

АС: Зака, да?

ВС: Так мне говорили. Документов нету. Это так говорили. А вот я не знаю точно (?).

АС: А вот этот с галереей?

ВС: Этот с галереей – есть фотография в коллекции профессора Попова. Что тут жили люди. Тут жил жестянщик. И тут мастерская была снизу. Там люди подходили. Тут стояли такие столы. Жилой дом сверху, а мастерская жестяная снизу. Улица Бляхарская. Вот по этому, вот такие дома. А старые же евреи говорили, что вот это дома – в основном тут жили яблочники. Это евреи, которые скупали яблоки. Причем они скупали они их очень интересно. Ну, у тебя есть сад большой. К тебе приходит этот яблочник и говорит – ты яблоки продаешь мне по такой цене. Хорошо, договорились. Ты... имеешь право есть яблоки сколько хочешь, но ты уже ни яблока одного никому другому не продаешь, кроме этого человека. И тут очень много подвалы. И эти подвалы засыпались яблоками, а потом они их продавали. Вообще у нас ни одно яблоко до революции не пропадало. В отличие от нынешних часов (?), потому что все гнали спирт. И каждый уважающий себя помещик имел маленький винный заводик. И все перегоняли. Поили всю Европу. Видите, тоже вот еврейская фе(?)... довольно... с такими ставнями.

АС: А про этот дом не рассказывали?

ВС: Не, я не знаю про этот дом ничего.

АС: А вообще вот как-то...

ВС: Сейчас тут тоже евреи живут. Тут живут эти евреи старые. Тут Панкина живет – ей уже восемьдесят с гаком.

АС: А, да-да...

ВС: Она чего-то скажет – вот ее дверь... можете к ней зайти в гости...

АС: Ну, как-нибудь, да.

ВС: Чего-то вам расскажет интересное.

АС: А вообще вот вам когда рассказывали...

ВС: Тут есть... извините, Поля Мураховская живет. Она чуть старше меня. И она здесь родилась. Две еврейки. Так что они вам тут могут больше рассказать, чем я. Яжил на этой улице – цлице Спартака. Самая еврейская... но это для меня уже был район такой... в детстве это уже, как заграница была. Так что этот район...

АС: Да? Так, так, так мелко было все структурировано?

ВС: Да. Да, есть такое.

АС: А вот вы когда разговаривали, вас водили или просто вы ну...

ВС: Куда водили?

АС: Вот... когда вы разговаривали с пожилыми людьми, там с евреями...

ВС: Когда я разговаривал с пожилыми...

АС: Это вы где-то сидели?

ВС: ...людьми, это...это надо иметь... два периода. Первый период – несознательный. Моя улица... детство мое прошло на этой улице. Все были люди евреи, кроме меня одного. Ну, естественно, что я с ними дружил, общался, разговаривал слушал и... их дедушек-бабушек и всех. Вот и... слуховая память хорошая – что-то оставалось в голове. Это первый период. Период детства, детства. А второй период – это уже когда я в восьмидесятые годы начал профессионально заниматься историей. Когда я уже сам искал этих евреев. И расспрашивал их. И когда уже нету таких... документов, или не было их, или вообще нет. А есть устные рассказы. Тогда что? Если рассказы совпадают, значит они более или менее правдоподобные. А если один говорит одно, а другой – другое по тому же самому поводу, противоречивое, значит это надо как-то проверять. Это осталось от (нрзб)...

АЛ: Так евреи на идише говорили здесь?

ВС: На идише, да.

АЛ: Вы знали... вы понимали?

ВС: Идиш я так понимал. Конечно, далеко не все. Но кое-что понимал. Там ругань в основном понимал хорошо. «Ки мэр» – иди сюда. «Афанеф» - открой. Такие вот обиходные же. Но они не всегда на чистом идише говорили. Они говорили так – кусок по русски, кусок – на идише. И чем моложе были, тем больше был процент так сказать...

АЛ: По-русски или по-украински говорили?

ВС: По-русски. На украинском у нас никто не говорил. Вот даже я украинец, я на своем родном языке, украинском, начал... О, Мураховская... Хотите, я вас с ней познакомлю...

АС: А мы, мы знакомы. Спасибо, да...

ВС: Она писательница у нас. Пишет воспоминания. (Нрзб).

АС: Да, она ксероксы нам дала. Вот своих...

ВС: А вот этот... здание построено – тут еще какие-то старые постройки – почему-то называется ратуша. Может, какое-то самоуправление было у Тульчина? Тоже...

АС: Так а это вот район нового рынка уже?

ВС: да, район нового рынка.

АС: Ага, ну тогда понятно.

ВС: А старый центр – вот это Первая школа, где мы с вами стояли. Ну он уж таким перестал быть окончательно в 1811 году, когда костел деревянный сгорел...

АС: Угу, пожар... наверное, вообще огромный был пожар.

ВС: Пожар – считают – что был не просто огромный. Он сжег всю Украину. Потому что горело все, что могло гореть. И полагают, что это агенты Наполеона сожгли.

АЛ: Да?

ВС: Да. Это было уже накануне войны. А главным агентом был сын Софии Потоцкой, который воспитывался в Тульчине, Иван или Ян Вите. Он еще и интересный товарищ. Он пред войной с Наполеоном был главным резидентом французской разведки на Украине. Вообще там такие баталии было... я работал в архиве Подольского губернатора в Каменце-Подольском. Там – Балашов с одной стороны, а с другой стороны – место (?) полиции Наполеона Фуше. Между ними была битва гигантов. Там такие агенты засылались. Знаете, агенты выезжали из Парижа, а Балашов уже в Петербурге знал, что едет такой-то и... Сюда он высылал губернатору его точное описание. Сколько ему лет. Как он выглядит, сколько иностранных языков знает, с каим заданием он едет. Все четко уже знает. Там была очень сильная война. Вот ни в одной серьезной книжке ни Тарле... никто из историков о войне 1812 года не говорит об этом. а это все было здесь. Потому что граница-то была рядом. Место было границы. Так. Вот сюда зайдемте. А, может, где-то там сядем. Там есть лавочки. Там... понравится вам (нрзб), там посидим. Да. И этот Витте переходит на сторону русского правительства. Раскрывает всю резидентуру. Какую он чего знал. Позакладывал, короче говоря, продал. Он потом и декабристов продал. У него долг был большой – три миллиона. И основывает он в дворце украинскую казацкую дивизию. Четыре полка без единого поражения они под руководством Витте дошли до самого Парижа. Так что в организаторских способностях и в личной храбрости ему не откажешь. Ну, историк какой-то (нрзб), Роман Калита (?). Он когда работал по крупным темам таким серьезным. Ему всегда попадались какие-то исторические анекдоты, курьезы. Вот. И он взял, из них создал книжку исторических курьезов и анекдотов. А я когда сотрудничал с поляками, так они мне высылали вот за то, что я им давал информацию, они мне платили. Ну, не деньгами, а вот прислали книжку Калиты. Ну и когда я переписывался с Романом Афтоназой, их главным специалистом по архитектуре, он говорит, что когда Роман Калита хотел эту книжку подарить

своим друзьям, так он должен был идти в магазин, покупать ее. Даже не в магазин, а куда-то там к спекулянтам. Платить за нее в четыре дорожке, чтобы подарить. То есть она очень популярная в Польше. (Усаживаются) Так что в Тульчине были интересные (нрзб).

М: Да...

(Усаживаются)

АЛ: Вот мы хотели воспоминания (нрзб). Может быть (?), вы помните – вот рассказывали так интересно...

ВС: Вот девочки кое-что записывали. Все детство (нрзб) в Тульчине.

АЛ: А вот эти вот истории, которые вы сейчас на кладбище рассказывали, вот, можно подробнее чуть...

ВС: Ну вот историю, которую я помню, это действительно история с моего детства. Там жила старая еврейка рядом с нами. Так молится (нрзб) Пушкина. И она приходила к Тираспольскому. Кстати, вы с его сыном знакомы, Николаем Тираспольским, да? Он девочек водил, там чего-то показывал им. Причем он единственный еврей, который остался на улице Спартака, рядом с базаром, жить.

АС: (Нрзб) так, да? Водил.

ВС: Да. Николай Наумович. Говорили вы с ним? Это его отец... а его отец был сапожником. И к нему приходили все интересные люди. В том числе эта еврейка. И вот она утверждала, что ее сосед по кличке Моря – такой невзрачный, типичный украинец, парень лет ну под 20, является упырем. Он называл ее [она называла его?] упер. И он к ней постоянно летает. Она показывала рваные чулки. Что он ей чулки рвет. В общем, он ей всякие гадости делал. Потом его призвали в Тихоокеанский флот. Но она утверждала, что каждую ночь он оттуда с берега Тихого океана летает к ней.

АЛ: ОН что, кровь сосал?

ВС: Нет, он ей гадости всякие делал. Он и рвал ей одежду, он ломал ей мебель. Кровь не сосал. Но она называла его почему-то упер. А... входит ли это в еврейскую фольклористику или нет, я не знаю. Просто я я вам рассказываю ту историю, которую я запомнил с своего детства.

АЛ: А вы, по-моему, говорили, что еще была какая-то история.

ВС: А история современная. Без... человек живой еще и без ее разрешения я не могу... я могу только поговорить с ней. Если она согласна будет с кем-то из вас встретиться. Потому что там тоже аномальное явление. Вы понимаете, что если так... мне бы не рассказывали подобных историй. Если бы только вот придется... слушал... про эту историю, я бы решил, что это бред. Но вижу, что здесь совпадения. Хотя эта женщина была безграмотная, выжившая из ума. А эта женщина интеллигентная, воспитанная. Я вижу здесь какие-то сходные феномены. Я вижу появление какого-то загадочного существа, которое не сосет кровь, а именно он ломает предметы быта. Если прошло столько лет. Или это какой-то у нас... реликтовое провинциальное сознание или это действительно связано с еврейским – я не могу вам сказать. Потому что я вижу при... там тоже

приходит какое-то якобы существо. А, может быть, какой-то дух. Который постоянно делает гадости в доме.

АЛ: Вы спросите у нее, да?

ВС: Я попрошу разрешения. Она мне рассказывала. Я когда слушал, у меня было такое впечатление, что человек не в своем уме. Но я этого человека очень хорошо знаю. Знаю, что нормальный человек и все такое (?) у нас знают.

АС: Но, может быть, даже если не об этом, если б она просто...

ВС: Или это какой-то аспект ее сознания...

АС: ...согласилась рассказать что-то. Навренок, необязательно об этом...

ВС: ...или у нее какой-то там... ум за разум заходит. Мне трудно сказать. Потому что во всем остальном это абсолютно нормальный человек. Дай Бог нам с вами быть такими нормальными в ее возрасте, в каком сейчас она есть.

АЛ: А вот еще...

ВС: И тут совпадение какое-то, видите, такое. С этой...

АЛ: А, может быть, наши уже разговаривали с ней. Это...

ВС: Я не знаю, не знаю. Она будет с вами на эту тему говорить или нет. Потому что я-то ее знаю всю жизнь. Я не думаю, что она с каждым человеком будет эти вопросы обсуждать.

АЛ: А вот вы... а вот слухи о похоронах еврейских – это из какого времени...

ВС: Это, это... это с детства.

АЛ: С детства, да?

ВС: Да. Это мне рас... я даже не помню, кто мне говорил, но очевидно, что... я только одно могу сказать, что очевидно, что это говорили неевреи. Потому что по самой тональности рассказа, по пренебрежению, что мол у нас вот так почтительно, а у них вот так непочтительно, мне кажется, что это рассказывали мне мои соотечественники но более старшего возраста. Которые мне говорили, что евреи так хоронят своих покойников.

АЛ: А вот еще не рассказывали про колокольный звон. Что когда вот похороны идет еврейские...

ВС: Нет...

АЛ: Нету здесь, да...

АС: Что мимо церкви... несут, сбрасывают (?)...

ВС: Нет, нет, ничего такого я не слышал.

АЛ: А вот вы похороны не видели, вот... вы тоже в еврейском районе жили (нрзб).

ВС: Нет. Дело в том, что...туда в основном хоронили. Похороны... у нас похороны в основном, они проходят по главной улице. Мы когда пацанами были, там интересно было смотреть. Потому что были зрелище. Шла процессия. Машина там, оркестр там, люди сходились. Для Тульчина это хоть какое-то, но событие. Но это обычно было на православном кладбище. А на еврейском кладбище похороны, они всегда были втихаря. Эти... ну

понимали, что эти похороны носят религиозный оттенок. И при советской власти все религиозное, оно, конечно, было под запретом.

АЛ: Втихаря – это в смысле без музыки, да?

ВС: Да... дело даже в том, что евреи... хорони... хоронят на национальном кладбище. Это уже в глазах общественности нашей, это было какое-то преступление. Если человек был служащим, учителем, а тем более членом партии, то его на том кладбище не хоронили. Его хоронили на советском кладбище. Для нас это православное – это было нормальное советское кладбище. А это кладбище в нашем коллективном сознании городском было для каких-то там отставших от своего времени евреев, которые еще там живут в далеком прошлом.

АЛ: Так а другие кладбища там? Вот вы говорите там, там несколько разных кладбищ там?

ВС: У нас есть еще два кладбища сейчас общих. И там похоронены тоже евреи. И у нас есть новое кладбище, которое ... ну, буквально, может быть, ему там лет двадцать. Но я что там заметил, что там хоронят евреев. Но что интересно, их хоронят в одно место.

М: Как-как хоронят...

АС, ВС: В одном месте.

АС: Ну участок, да? (Нрзб).

ВС: Какой-то участок есть. И там евреи все похоронены компактно на одном участке.

АЛ: А вот похороны еще... других... других национальностей там... отдельные кладбища... они отличаются как-то?

ВС: Не, у нас, у нас похороны по национальности никак не отличались. Если еврей, русский, поляк, украинец – вот такие народности, которые у нас жили, это были советские люди. Их хоронили по советским обрядам.

АЛ: А вот свадьбу вы видели еврейскую?

ВС: Никогда не видел. Все... я хвам хочу сразу сказать, что изо всех... что если вас интересует еврейская обрядность, то изо всех обрядностей я сталкивался только с тем, что Пасха была. Пейсах. И она сводилась все к тому, что мы ели мацу на Пасху. Никаких там... я ж постоянно жил в домах своих приятелей евреев. Я постоянно к ним ходил, дружил с ними. У меня других... неевреев, друзей у меня в детстве не было. Мое детство прошло среди евреев. Я не замечал, что они... разные, что они соблюдают какие-то обряды. Вот единственно, что у них была Пасха. И второе, что резчик кур был. И к нему время от времени носили кур. И он там резал. Ну, наверное, для приготовления, как я сейчас понимаю, кашерного мяса. Но даже я тогда и этого не понимал. Я не понимал, зачем нужен специальный резчик кур. Я объяснял это тем, что, наверное, евреи просто боятся крови или не хотят резать. Вот поэтому у них есть человек, который... курице отрывать голову – это у него любимое развлечение. То есть для меня это не было... не имело религиозного смысла.

АЛ: Понятно. А вот мацу вам приносили или вы (?) просто приходили...

ВС: Приходили, приносили мацу. Причем маца была – здесь ее делали. А бывало даже так, что из Израиля получали. У нас евреи, которые с моей мамой работали, они приносили нам мацу. И когда я приходил к своим друзьям-евреям, то постоянно ел (?) мацу.

АЛ: А вот у вас на православную Пасху была пасха?

ВС: Да. Была. Ну праздновали... но она праздновалась на таком же уровне, как еврейский Пэсах. То есть это говорили, что есть Пасха. Неплохо было бы посмотреть церков, поразвлечься – что там делается. Вот. И пасху съесть и покрасить яйца.

АЛ: А вы угощали приятелей-евреев там вот яйцами вот пасхой?

ВС: Да, да. Я-то, конечно, не помню. Но я такого значения не придавали. Для нас это была просто еда. Она не носила ж такого какого-то там религиозного... тем более, что яйца и пасха – это не христианство. Это же еще остатки язычества. Это считается у нас это... у нас даже православные попы запрещают это делать. Или надо прийти, освятить в церкви, тогда уже. Это будет другое дело. А первоначальный смысл, он утрачен.

АЛ: Ну... вы наверное, не... не видели там, не обращали внимания – где-то собирались молиться старики?

ВС: Да. У нас был старик один, которы... я не помню, как его... вот это ему уже лет под восемьдесят. Он в субботу обычно одевал кепу, очкт, брал книжку вот... молился. Но над ним остальные евреи, особенно те, кто помоложе, посмеивались.

АЛ: Он дома молился?

ВС: Дома молился. И еврейские мальчики считали своим долгом ему мешать во время молитвы.

АЛ: А как мешали?

ВС: Ставни колотили, кричали – Йолдек: такое прозвище у него было. Вот. Бегали, стучали, стучали в дверь, стучали в окна, чтоб он выходил. А потом смывались в это время. И снова все...

АЛ: Кто-то нам рассказывал – веники кидали...

ВС: Ну, по всякому, да...

АС: В Гайсине...

ВС: Но у нас не было... было кидать. Потому что наш дом к дому вот так стоит. Между домами пространство было метр. Так что особенно не размахнешься. Камни кидали. Вот... что еще. У нас рассказы, какие помню, о молитвах, то... евреи которые постарше, все-таки у них какие-то остатки религиозного сознания были. Они очень ценили – я не знаю, как они это называли на идише, но по русски они называли «одержимый человек». Что его умение отключаться во время молитвы. Не замечать происходящего вокруг себя. И такой челове пользовался в еврейской среде более страших людей каким-то особенным уважением, почтением. И они таких людей обсуждали и говорили, что вот этот челове действительно такой. Этот врет, он во время молитвы там... совсем не так концентрируется. Ну, не говорили «концентрироваться», что... он отключается там или он одержимым становится, не замечает ничего, что вокруг него. Вот это я помню. Потом

еврей постарше, который жил в одном доме со мной, он говор... рассказывал мне о религиозной жизни, допустим, дореволюционной. Он говорил, что у нас в Тульчине было семнадцать синагог. Но синагога, насколько я понимаю, официальная была одна. Это были просто молельные дома, которые приватным образом сдавались. Каждая профессия имела свою молельню. Вот о том, о чем я говорил. И на нашей улице тоже была синагога. Там жил один ювелир. Там был большой двухэтажный дом – его сейчас разобрали.

АЛ: Из камня, да?

ВС: Да, из кирпича.

АЛ: Это вот...

ВС: Ну там его...

АЛ: (Нрзб) Осипович, вот Петр Осипович – фамилию забыл вот...

ВС: Я не помню... он не говорил фамилии...

АЛ: Рассказывал, что он жил вот в этом двухэтажном доме...

ВС: Может быть.

АЛ: Там был техникум, аптека была...

ВС: Техникум, да, да. Там были корпуса техникума. И... общежитие... там квартиры. Там жили преподаватели. Совершенно верно, да. А потом его разобрали там. И там построили новый корпус.

АЛ: Так это была просто двухэтажная синагога, да?

ВС: Это была двухэтажная... здание – рассказывал мне старый еврей, которому я доверяю. Потому что он обычно не врал и он... его рассказы отличались большой точностью. Мой сосед. Он говорил, что в этом доме жил ювелир, который свое здание сдавал под молельный дом или под синагогу, как вот эти называли.

АЛ: Ну... а когда его разрушили? Это, это во время войны было?

ВС: Нет. Это сейчас его разрушили в восьмидесятые годы. Потому что директор там, он такой был. Он слишком деловой был. Он член партии социалистической Мороза. Там деньги большие крутились. Вы знаете, когда у нас много строят – так можно половину украсть себе. Вот, еще здание хорошее было. Начали строить новый корпус. А потом это все рухнуло. Вот. Потому что денег уже государство не выделяло. Это т сейчас дом стоит. Там бомжи собираются. Туалет сделали. Свалку.

АС: То есть он не достроил...

ВС: Не достроил.

АС: А не рассказали чего-нибудь про то, что вот недостроен...

ВС: Что?

АС: Что недостроенный – как-то вообще это обсуждается?

ВС: Ну сейчас много домов не достроено. Почему? Вот школа напротив. Там строили... это райком все делал. Райком сказал, первый секретарь – будем робить. И все, погнажи, вот. Государство давало деньги. А потом, когда начался развал Союза, уже перестали деньги давать. у нас таких зданий очень много. В основном... строили квартиры учителям, многоэтажные дома. Вот, какие-то здания, корпуса. Вот здесь музыкальная школа – тоже ну вот...

(?) фундаментом стоит впереди вот, рядом с нами музыкальная школа. Тоже хотел корпус увеличить. Все, все росло. Все, кубаиура.

АЛ: А вот еще нам рассказывали, что по выходным выходили гулять. И вот это, это считалось, что евреи только ходят гулять или вообще вот просто все выходили...

ВС: Простые люди не гуляли. Это была... привычка евреев. И сейчас она тоже сохраняется. Сейчас те одинокие евреи, которые остались еще, тоже они иногда, муж-жена, степенно прогуливаются по главной улице. Молодежь там тоже собиралась. Это еще, допустим, в двадцатые годы. В первые годы советской власти. Этот район назывался Брехаловкой, то есть тут обменивались свежей информацией. (Смеется), тут собирались балагулы. Тут вот столб стоял, который сейчас рядом с музеем. Напротив кинотеатра рядом с памятником Суворова. Там это было место сбора балагулов, которые возили. Это место транспорта – там можно было такси заказать или как оно там. Еще один балагула жил за базаром на моей памяти по этой Брехарской улице. Уже последний из могикан. Хездек его называли. Что это имя означает, я не знаю.

АС: А вот это название – это, это кто-то вам рассказал из евреев. Вот, вот это...

ВС: Насчет чего...

АС: Вот как это...

АЛ: Брехаловка...

АС: Бреха...

ВС: Брехаловка?

АС: Да.

ВС: Нет. Это воспоминания первых комсомольцев. Но среди первых комсомольцев, конечно, 90% было евреи. Это воспоминания Ращенко. Ращенко вообще была украинка. Вот, но там... первые комсомольцы в основном евреи были. А она была просто секретарем Комсомола. Поэтому ей выпала высокая честь написать воспоминания и довести до нашего сведения, что это называлась Брехаловка, а... дворох Гликлиха называли Ласточкино Гнездо.

АЛ: А почему?

ВС: Ну, по аналогии с дворцом в Крыму...

АЛ: А, ну понятно... А не было такого мета, которое биржей называлось бы здесь?

ВС: Биржа – это были... так рассказывали мне старые евреи, что биржа и вообще все закупы, все коммерческие сделки делались в заездах. На главной улице Тульчина – Ленина – с правой стороны стояла под... В (нрзб) во всяком случае есть фотографии, если у вас есть эта книжка...

АС: да, да.

ВС: Есть там фотографии. Подряд стояло семнадцать заездов. Сейчас только два сохранилось. Это были гостиницы. Во времена сезона туда заезжали помещики. И там помещики с местными торговцами, преимущественно с евреями, заключали сделки. Там их обслуживали по

высшему разряду. Там их поили, кормили. Снабжали их там девушками легкого поведения. Вот. И там все заключались... а биржи как таковой, у нас, конечно, не было. И быть не могло, поскольку торговые обороты не такие уж большие. Вот но... из... как это есть в экономике такой закон – рынок существует, базар существует там, где экономика не на высоком уровне. Потому что высоко развиты производительные силы, то рынок и базар каждый день, продуктов хватает на каждый день. А когда его не хватает, значит, его продаем два раза в неделю, базар... по базарным дням. Так оно в Тульчине и было. Ну, еще в октябре у нас ярмарка была. Вот это своего рода биржа была. Потому что Тульчин – вот это у меня есть статья из Подольских епархивальных ведомостей, что Тульчин был местом, куда свозили лошадей на выставку со всего Подолья. И давали премии. Ну, допустим, какой-то там польский граф мог за своего арабского скакуна получить 1000 рублей. А какой-то местный крестьянин мог получить за свою лошадку там 5 или 10 рублей примерно. Но, конечно, что тут уже и... контрбандисты были и сделки... вам хорошо бы по... почитать Средницкого – вы не читали его? Средницкого... познакомьтесь с ним.

АС: Не... Веня, Веня читал...

ВС: Это очень интересный... первый украинский романист, наш земляк. Который родился в селе Маньковка Тульчинского района. У него очень интересные этнографические очерки. И там, конечно, много есть... ну, конечно, не очень так много, как вам бы хотелось, но вы знаете, что настоящая наука – она по зернам собирается. Там есть упоминания о еврейской жизни. Он, например, упоминает капеллу знаменитую из Тульчина, еврейскую, которая по свадьбам играла. Она была знаменита. Насколько она была знаменита – я не знаю. Но считалось, что это на очень высоком уровне как раз эта капелла работает вот. И он там очень много интересных вещей пишет. И про... все эти вещи, которые я вам рассказывал. Средницкого.

АС: А про капеллу как-то вам...

ВС: (Нрзб). Я вам принесу Средницкого. Можете почитать.

АС: А вот пожилые люди вам, ну, вот смысле... я все время – эти пожилые люди... но вот те, те, с которыми вы разговаривали по поводу там вот уже, когда у вас начался сознательный период – как вы говорите...

ВС: Это восьмидесяте годы...

АС: А вот про клезмеров, да, клезмеров, про капеллу что-то рассказывали?

ВС: Я не знаю... а что такие клезмеры... это кто такие? Знакомое слово.

АЛ: Капелла, капелла...

ВС: Это те, которые в капелле, да? Нет, про капеллу ничего...

АС: Про капеллу не рассказывали...

ВС: Вот Яблок об этом пишет. Вот эта книжка «Жили-были» – вот сейчас я вам покажу – он пишет об этом. Потому что члены его семьи как раз были клезмерами. Вам надо эту книжку достать, и там вы очень много почерпнете. Потому что как раз Яблок-то есть этим носителем. Тем более,

что он местный. Тем более, что он в семье такой вырос. И его родственник в Тульчине был там... раввином или кем. Видите. Вот вам надо такую книжку достать. Тут я выписки делал. Я все переписал, что он там говорит на идише.

АС: Ой, а можно прочитать?

ВС: А чего ж не можно? Я... я... я вам отпечатаю. Я сам... Яблок «Жили-были». Вот видите, он пишет – из Тульчина Неся-трубач, Федя Хрип погиб на войне. В Печоре маэстро дядя Лева... очевидно, здесь речь идет о такой капелле местной...

АС: Маэстро... красиво...

ВС: Который был даже руководителем – маэстро дядя Лева. Но после гиб... гибели этого дяди Левы уже все. Потому что, что было после войны – я уже знаю. Там после войны играл Митя Валесский, алкаш. Друг моего дядьки. Мой дядька тоже был алкаш. Вот он играл в этой большой церкви там. И как раз об этом тоже пишет Яблок. Там было дом культуры сорок пятого года, там летчики с Вопнярки приезжали на танцы. А Митя им играл на аккордеоне. Уже не было. А вот до войны Алексей Яблок пишет о нем. Тут очень много интересного у него. Там... ну там столько много об этом, вам эту книжку обязательно надо прочитать. Потому что эта книжка не литературная, эта книжка именно воспоминаний.

АЛ: Алексей, да?

ВС: Алексей Яблок.

АЛ: А где она издавалась?

ВС: Она была издана в Виннице. Но сам он живет в Америке. Но они роднился в Вопнярке и долгое время жил в Тульчине.

АЛ: А когда это было издано?

ВС: Ну лет пять тому назад. Ну совсем недавно.

АС: Интересно, да...

ВС: Я тоже хочу найти такую книжку. Я говорил с Розановой, которая эту книжку редактировала. Я говорю, ты уж эту книжку нам привези. Так давай мы ее купим. Вот. Но она говорит, что там есть какой-то еврей, который его представитель или кто, этого Яблока, в Виннице. Это надо на него выйти. Может, у него... он продает эти книги. Потому что знаете, как сейчас. Я книжку написал. Я ее издал. Я ее и продаю.

АС: Ну да, бывает конечно (?)...

АЛ: А вот нам говорили, что была... было две капеллы. Вот одна – какая-то специально похоронная. Но там... там мне странные какие-то вещи говорили. Вот одна играла свадьбах, а другая была похоронная.

ВС: Это вам рассказывали в Тульчине?

АЛ: Да.

ВС: Это... уже на моей памяти там уж это... не чисто еврейское было. Там уже в основном были украинцы. То есть еврейских музыкантов – я не знаю... у нас понимаете, в чем специфика Тульчина – у нас тут есть училище культпросвета, как говорят. И вот этот культпросвет – его организовавали в конце тридцатых годов, и там уже появились музыканты более или менее профессиональные. И там если были какие-то евреи, то они уже стали там

работать. И уже они... замест... заменили собой дилетантские капеллы на профессиональные, которые собирались от времени к времени. Так что у нас в основном музыканты из так называемого культпросвета. Потом обслуживали после войны и до сегодняшнего дня обслуживают во многом музыкальные запросы жителей нашего города.

АС: А вот... вот по рассказам получается, что вот самое та... самые такие семейства – это вот э... кроме Гликлиха вот...

ВС: Розенфельд...

АС: Розенфельды, да. О них как-то принято было рассказывать?

ВС: Да. О Розенфельдах очень много говорили. Тем более, что Розенфельдов там было. Там были богатые Розенфельды, которых штаб был в этом... в здании музея. А вот здесь по... улице Шевченко, на Воловодовке жили бругие Розенфельды. Они были победнее. Там был такой Давид Розенфельд, он был у нас первым комсомольцем. Так что всякие были Розенфельды. Были, которые экспроприировали. И были, которых экспроприировали.

АС: Удобно, когда в одной семье...

ВС: Это не одна семья.

АС: Нет?

ВС: Если они родственники, то были... очень дале... я вообще-то читал такую историю. это вам, наверное, Борис, лучше судить. Что эти фамилии, ашкенази, они пошли от Гофмана, великого немецкого писателя. Что он был большой романтик. И когда евреи стали получать фамилии, они к нему приходили. А он-то был каким-то чиновником, как у нас сейчас говорят... акты гражданского состояния. И он им там давал красивые на... Розенфельд – розовое поле. Уж красиво как. Романтик, немецкие романтики определили фамилии евреев...

АС: Запросто, да...

М: (Нрзб). Это да.

ВС: Где-то (?) рассказывал такую историю.

АС: А в каком контексте говорили о них, то есть что... как они всплывали в разговорах. Ну вот это, допустим, рассказы об этом семействе. Что именно там обсуждали...

ВС: Если о Розенфельде, то старые евреи осуждали Розенфельдов богатых за их скупость. Потому что евреи во время праздников и вообще, они должны были жить в общине и делиться с неимущими. Но такого у Розенфельдов у богатых не было. Вот. А за этих Розенфельдов – ну чего? Ну они пошли в Комсомол. Они уже жили по советским понятиям а не по еврейским. И когда мне говорят, что революцию сделали евреи, я говорю, что это евреи, которые отказались быть евреями. Разве не так? Троцкий ходил на охоту, стрелял по животным. Верующий еврей, наверное, никогда себе такого не позволил делать. Или я ошибаюсь?

АЛ: Да, конечно.

ВС: Что у Троцкого? Только происхождение было еврейское. Что, он какие-то праздники соблюдал. Он что, традиции знад свои еврейские? Нет,

он был советский человек. Ну так и Розенфельды тоже стали советскими людьми. А потом они... или их репрессировали в тридцатых годах или их дети отсюда куда-то в большие города поехали – в Москву, в Ленинград. Потому что Тульчин есть Тульчин. Отсюда уже рвались они по полной...

АС: А чем они занимались, толком не рассказывали?

ВС: Из Тульчина вышел Зальцман. Вы знаете, кто такой Зальцман? Зальцман – это человек, который создал тяжелые танки «Иосиф Сталин». Это один из ну там наркомов обороны или как... ну в общем было...

АЛ: Из Тульчина, да, он?

ВС: Он в Тульчине... он из Томашполя – это 30 километров или 40 от Тульчина. Он родился там. Но он у нас в Тульчине работал первым комсомольцем. Он был пионервожатым в Тульчине. Так вот что такие люди выходили. Люди, которые потом создавали советскую власть, которые занимали высокие посты, которые были хорошими организаторами. Евреи-то вот хорошие организаторы...

АС: А вот про ...

ВС: ...у них голова варит, понимаете. Вот она и варила...

АЛ: Разные бывают...

ВС: Разные бывают, конечно. я тоже говорю, что разные бывают. Но раз уже варит, так варит. вот это Зальцман, он стал... больше ничего...

АС: А вот этот Гликлих... вот все-таки, так сказать, такое здание и... что, про него что-то рассказывали?

ВС: А, само здание Гликлиха? Ну, здание Гликлиха – рассказывают вот чего. Что когда Гликлих приехал якобы из Италии в Тульчин, а, может быть, не из Италии, но говорят, что из Италии... допустим, что это красивый элемент легенды. Опять же я спрашивать стал – чего он делал? – Торговал. – Ну чем он торговал? - Ну, салом, ну ле... - в общем всем подряд торговал. Вот. То он стал ... женихом этой Юлии или Нихомы Розенфельд. И папа им построил этот дворец. Он был записан на Нихому. Это точно. Потому что есть у меня выписки из винницкого архива, там собственники за 1915 год. На Нихоие Гликлих числится четыре дома.

АС: А кроме этого еще какие?

ВС: Кроме этого – я не знаю, какие еще у нее.

АС: Просто... ну то есть не опознать, да?

ВС: Наверное, наверное вот это здание Обержина (?), рядом... которое входило в комплекс Потоцких. Оно принадлежало Розенфельду. Наверное, Шей (?) ее. Мо... может быть...

АС: Это вот рядом с дворцом, которое...

ВС: Да, рядом с дворцом... с той стороны...

АС: А, с той стороны вот.

ВС: Да, с другой стороны. Там даже таблички на нем нет. Бывшая... это, я говорю, это чулочная фабрика была Розенфельда в двадцатые годы здесь. Может быть, это. Но сейчас трудно сказать, какие здания точно за ней числились.

АС: Нет... а вот это как вы вычислили?

ВС: Что...

АС: Ну, вот вы говорите – 4 здания числилось за ней. Ну, это все говорят. Я говорил с еврейкой Евгенией Гринберг, которая с этой Юлией Нихомой вместе ходила в гимназию. И она говорит, что в этом здании тоже одно время гимназия была. Частная гимназия. Потому что частная гимназия не имела своего помещения. Вот у нас дворец стоит – вот Абасов (?) здесь. А там была мужская гимназия одно время. Частное здание. Там есть – пройдете... это Красная площадь называлось. Ту торговали скотом...

АЛ: Красная?

ВС: Красная, да. А казармы эти назывались – Красные казармы. Вот это здание красивое, которое... чегоя там говорил...

АЛ: Ты не спрашивала вот это вот про балконы там вот...

АС: Да, нам во просто, да...

ВС: И... короче... эта Гринберг, она 1909 года рождения, да даже, может, раньше. Девятьсот девятого, вроде, да. А ее папа был какой-то управитель у графов Сабанских. Она эти ж все времена помнит. Понимаете, она эту Юлию помнила. Так что... то есть я лично говорил с такими евреями, которые были знакомы с членами семьи Гликлиха.

АЛ: Нам рассказывали про кого-то из них вот такой вот эпизод, что она стояла на балконе – вот то ли дочка их, то ли...

ВС: Ну, этого я не слышал...

АЛ: ...жена, которая бросала конфеты нищим, да? Это вот... (нрзб) богатые (нрзб)...

ВС: Может быть, Юлия и бросала. Но старый Розенфельд, он ничего не давал в этом доме. А там был такой еврей Тэпор – ему уже было 80 лет, когда он.. а мне было 20 с чем-то... так что он еще помнил. Он там жил рядом, соседом был Розенфельда. Он говорит – Розенфельд... приходили нищие, никогда им ничего не давал. Но это папа, наверное. Но бывает, что... дочь хотим испрваить это... не знаю. Я про Юлию ничего не слышал. Я про Юлию вообще ничего не знаю.

АС: да, интересно.

ВС: Ничего не рассказывали.

М: А какая их судьба, этого семейства? Вот неизвестно, да, что с ними (нрзб)...

ВС: Здание национализировали. Там поместили первое здание Окружком. Пока это не построили. А Гликлиху – так утверждают старые евери – отвели комнату. И он там доживал свои дни. Они там умер или он куда-то переехал – никто ничего точно не знает. И не расстреляли его потому, что его два сына ушло служить в Красную армию. Вот это все, к чему (нрзб) сказать Гликлих...

АЛ: Вот еще вы рассказывали, что вот... верующих евреев вот так вот дети, значит, бросали камни. Там как-то вот...

ВС: Ну, мои друзья бросали, да...

АЛ: Мешали молиться... а вот...

ВС: ... я не бросал, я не был настолько испорченным ребенком, но я при этом присутствовал. (Смеется). Мне было интересно, чего евреи между собой разобраться не могут. Вы понимаете, я никак бы не мог, что вот... старый человек. У меня мама очень добрая. Она меня воспитывала – вот уважение к людям. Старый человек – как это ему можно в окна камни бросать и мешать? Для меня было все равно – еврей или не еврей. Просто я никогда бы себе не позволил этим заниматься. Но я не занимался. Но я же им тоже не мог запретить – это мои друзья. Они этим занимались.

АЛ: А вот у православных могло бы такое быть? Вот кто-нибудь старый там, допустим, верующий – ну я не знаю там – иконы дома держит там... молится на них. И ему мешают.

ВС: Нет. Нет. У нас такого...

АС: Но время такое было...

ВС: Не, ну это в принципе это могло быть.

АЛ: Ну там комсомольцы, пионеры...

АС: Ну да...

ВС: Ну, комсомольцы, пионеры, конечно... но там уже такое было. Там церкви просто ломали. Там не то, что мешали молиться, там просто ломали церкви. Настолько это было не... Кичук (?) говорит – я стико цервок поломал. Он просто ходил их и взрывал...

АЛ: Что про него рассказывают?

ВС: Что?

АЛ: Про него что-нибудь рассказывают? Ну, как-нибудь он там... что-нибудь случилось с ним?

ВС: Не, ничего с ним не случилось. Не, ну как... он лет 70 прожил. Может быть, он 120 жил, если бы церковью не взры... а вот относительно за... замковой церкви – то рассказывала мне моя знакомая. Что дедушка ее там... вот это – я вам показывал – Первая школа. А вот Сетинский (?) и по другим источникам там была замковая церковь. Но, в основном, Сетинского – Епархиальные Ведомости. Вот. И там крест был. Когда церковь уничтожается, то есть такой обычай у православных. Вот на том месте, где стоял алтарь, ставить крест. И там есть другой крест немножко дальше. Я в своей книге пишу, что, начерное, там была церковь замковая. А ко мне подходит знакомый и говорит – ты ошибаешься. Потому что крест стоял на... в огороде моего дома. Это дедушка мой... она местная. Вот она ко мне... она из Тульчина... украинка. Вот это дедушка мой в тридцатые годы... - идем, я тебе покажу. Мы пошли. Она говорит – вот здесь крест стоял. Дедушка его убрал. А потом дедушка очень быстро заболел и умер после этого.

АЛ: Понятно. Грустная история.

АС: А вот...

АЛ: Вот крест еще по дороге к колодцу стоит какой-то такой...

ВС: Я не знаю, почему этот крест стоит. И он очень давно стоит. Он все время вот он всю мою жизнь – этот крест помню. А почему его поставили и как? Может, он имеет какое-то охранительное значение? Но он... ни с какой церковью он не связан. Просто у нас, у православных есть такой обычай –

смотрите, сейчас везде, в каждом селе при въезде ставят крест. Чего-то там... его тоже когда-то поставили.

М: Этот колодец, колодец – он какой-то особенностью обладает?

АЛ: (Нрзб).

ВС: Колодец обладает особенностью – там считается, что вода – там есть источник. Она целебная. Там вроде бы исследовали ее и сказали, что она имеет очень хороший состав. Что в частности она имеет соли серебра, которые оказывают... ну такое, антимикробное воздействие. И вообще она может.. может она продаваться как минеральная вода. Ну, мы туда все... и я хожу туда. если вода хорошая, то... у нас вода хлорированная... хожу туда с ведром. А люди приезжают машинами набирают воду.

АС: А вот про... вот эту большую синагогу... все-таки ее должны были... ну как-то ее помнят?

ВС: Мне рассказывали...

АС: Про нее рассказы какие-то...

ВС: Вот здесь... вот здесь вот улица идет – там чуть дальше, там стоит дом тсраый, там жил Георгий Васильевич Зубек. Потомственный тульчинец и потомственный строитель, который ломал эту синагогу. Он мне рассказывал про это, когда ему было около 90 лет. Он говорит, что эта синагога была очень крепкая. Что якобы ее строили турки. Но это легенда. Какие там турки могли быть? (С кем-то здороваются). Хотя... если иметь в виду, что... в конце восемнадцатого столетия, где-то в тысяча семьсот восьмидесятых каких-то там годах русская армия под руководством Суворова, Потемкина, Румянцева и других воевала против турков. А Потоцкий одно время был адъютантом Потемкина. Он служил в штабе русской армии, которая воевала против турков. А потом он был и генералом русской армии. То вполне возможно, что он там Потемкина попросил – каких-то там турков дай мне. Но я не знаю этого... такое... это говорю, что это он говорил, что турки якобы строили эту синагогу. Когда строили синагогу, это тоже своего рода был какой-то строительный обряд. То есть очень долго выдерживали известь. Известь выдерживали в специальных ящиках. Не меньше 15 лет. Добавляя туда конскую кровь.

М: Это только при строительстве синагоги или это... или вообще так вот... это... вот...

ВС: Это он мне говорил относительно синагоги.

М: Это он говорил?

ВС: Да, да. А всегда оно так соблюдалось или не всегда... ну видите, он говорил то, что ему рассказывал его отец, а отец – то, что ему рассказывал его дед. Понимаете. А там всегда – не всегда: он же ж не мог...

М: Да-да-да...

ВС: Он только знал, как строили эту синагогу. А обо всем... случаях не мог судить. Потому что тут надо быть историком, собирать факты. Значит, выдерживали таким образом. Потом старые евреи рассказывали мне про эту синагогу. Что размерами она была больше, чем вот эта большая церковь, вот этот костел доминиканский. Где... где Суворов стоит – главная церковь

Тульчина. Она была выше... больше. Она была двухэтажная. Один этаж – для мужчин, другой – для женщин. Вот это все, что я о ней слышал от старых евреев. Потому что разрушили ее в 1947 году. Она уже, наверное, тогда давно как синагога не использовалась. Я подозреваю, что просто она там – какие-то склады были или что. Вот. И настолько была мощная кладка, говорит этот строитель, что... вызвали танки, и танки не могли сломать. Ну в конце концов раздолбали. И камни пошли... ну, половину покрали, конечно, а половина – пошло на... стадион огородили. Так что у нас стадион святой (нрзб)...

М: Она не кирпичная была, каменная?

ВС: Каменная, да. Она была каменная... из камней сложенная.

АС: Так а вот пожилые... в смысле вот эти старики-евреи или вот... ему отец рассказывал, что именно сравнивали с костелом ее? Что по высоте кто... кто выше, да... как-то... вот как вам запомнилось?

ВС: Он не говорил, что старики. Он утверждал, что это на... вроде как на основании личного опыта. Потому что человек – уже ему было под 80 лет...

АС: А... Это он что он так (?)...

ВС: Я его был моложе лет на 50. Он, наверное, помнил сорок седьмой год. Он, наверное, помнил эту синагогу в натуре. Потому что я родился в сорок седьмом году. Если он намного старше меня, что так понятно, что он мог ее видеть.

АС: Ну да, понятно, что он ее видел...

ВС: Он ее видел...

АС: То есть он ее вот так описывал как-то?

ВС: Мне – да...

АС: Что-то еще, какие-то подробности он...

ВС: Да. Он ее описывал как такую, какой он видел. Но никаких подробностей он не говорил – что там как там чего.

АС: То есть ка... что реально он про нее сказал – это то, что она была...

ВС: ...большая, двухэтажная. Один этаж – для женщин, другой – для мужчин. Все – больше ничего не знаю. Вы знаете, что интересное что есть? У нас есть архив. Я думаю, я хочу добраться. В Виннице есть архив на еврейском языке. Вы там ничего не смотрели? Знаете, что он из себя представляет?

М: Нет, я не ра... нет, не работал...

ВС: Нет. Ну, по крайней мере, в описаниях архивных, там есть... но раньше я не читал.

АС: Вы знаете, у меня есть выкопировка – я вам отдам...

ВС: А что там может быть?

АС: Я вам отдам – выкопировка из винницкого архива обл... там вот проекты, да. Там есть обмеры...

ВС: Там не раз же (?)... там документы есть...

АС: Там есть документы, обмеры...

ВС: И именно они на идише, наверное, должны быть.

АС: ...со... како... нет-нет-нет. Это обмеры современные этой синагоги. Если о ней говорить...

ВС: Может быть. Но там должны быть какие-то документы на идише, которые касаются еврейской общины. Вот у меня такое впечатление сложилось когда-то, когда я работал в архиве. И просматривал эти описания...

АС: В Винницком архиве?

АЛ: Ну, еврейские пинкасы могли быть только.

ВС: Конечно... могли быть на иврите да?

М: Не, это пинкасов-то нет. (Нрзб) точно вам говорю.

ВС: Что мо... что там может быть? Что там может быть, какие документы? Но там что-то есть. И в архиве Потоцкого, фонд 49-ый, в Киеве тоже есть документы на иврите. Что они из себя представляют – я не знаю. Но что есть, то есть. Там на 16-ти языках, кстати, очень мощный архив.

АС: А вот такую историю нам тут рассказывали, что... про строительство этой синагоги – это вот... не рассказывали вам, что...

ВС: Нет...

АС: Что как ее строили, чего-то спорили.

ВС: Не-не-не. Это я не знаю. Вот то, что мне рассказывал вот этот, я вам все рассказал. Я единственно, что слышал от этого Зубека. О... строительстве и уничтожении этой синагоги.

АЛ: Не, ну эта такая легенда просто, что евреи с Потоцким спорили...

ВС: Нет, я леген... я легенд не знаю, нет. Легенд я не знаю. И вообще никаких польских источников о строительстве синагоги нет. Есть выписки у меня из бухгалтерской книжки Потоцких. Но там реальные вещи. Там вещи о том, что евреям делали заказы. Что жена Потоцкого делала им заказы, то есть они обслуживали их семью. Они принимали участие в построении дворца.

АС: В смысле как? Подряды какие-то? Или что?

ВС: Выполняли какие-то определенные работы. Там были мастера очень высокого класса. Там очень много было деревянной резьбы.

М: Вот по поводу матеров как раз, которые деревянной резьбой занимались – вы были знакомы... были при...

ВС: Там приводятся имена, но... какой они национальности, откуда они... Там только имя и сколько ему заплатили. Но заплатили ему огромную кучу денег. Там резчик, который работал, выполнял деревянную резьбу по... дворцу, он получил приблизительно такую же сумму, как француз архитектор, который этот дворец строил. Если вас интересуют более точные цифры, я принесу выписки с архива, посмотрю его... если чего-то вас... все еврейское интересует, можем вместе их посмотреть. Это у меня в тетради должно быть.

М: А были какие-то вот мастера-мебельщики, например, евреи, на вашей памяти, которые занимались...

ВС: Мне рассказывали историю про... еврея-краснодеревщика. Хорошего столяра. Который был в оккупации. Откуда у меня эта история была, я не помню. В общем, кто-то мне говорил из евреев, что был такой

еврей, который выполнял прекрасно все сложные работы. И... его приглашали в церковь тоже работать. Его пригласили в эту церковь малую, чтоб он там сделал дверь. Вот. И когда он работал, то тут румыны были... румыны их не трогали. Приходит немецкий офицер. – Юде? – Юде. Он его сразу к стенке. Но тут полняли шум, хай. Прибежали румынские служащие или офицеры. Отбили этого еврея. Короче, спасли ему жизнь. Вот такую историю я слышал. А как его звали, и чего он там делал конкретно – трудно сказать. Но ремесленники были очень высокого класса в Тульчине. У нас вышел сборник... Соколов выпустил. Соколо был завучем Первой школы, а впоследствии он был очень известным ученым. Он был членом-корреспондентом Академии педагогических наук. И в двадцать седьмом году – десятилетие советской власти – выходит краеведческий сборник по Тульчину. Единственный. В единственном виде. Он у нас должен быть в Виннице и должен быть у нас в музее. Надо поискать. И там все статьи печатают доктора наук, профессора. Только один Моколов – учитель. Но он впоследствии ученым был. Потом... так он написал статью о природе. Вот... и где-то... или в этих газетах, или в этих сборниках я находил такие свидетельства, что в двадцатые годы, во время НЭПа тульчинские ремесленники продавали свои изделия в западные (нрзб) – Бельгию, Францию, в Англию. То есть уровень был очень высокий. Потом смотрите – преподаватель нашей школы, тульчинский, Олег Ефимович носит фамилию Каретник.

М: Какую фамилию?

ВС: Каретник.

М: Каретник?

ВС: Это указывает на профессию его там дедушки, прадедушки. Действительно... это надо спросить у него. Папа-то его тульчинский – я его еще помню. Он там корнями из Тульчина, не из Тульчина. Вот, но дело в том, что Потоцкий создал здесь каретную мастерскую. Вообще Потоцкий был очень хороший хозяин. И качество продукции было такое, что его биограф Ханцевский (?) пишет, что перегнали карету в Вену премьер-министру Австрии. (Нрзб) этому карету. И он был настолько восхищен качеством этой кареты, что он фурману, который перегнал, дал тысячу золотых монет. То есть мастер... мастера были очень-очень высокого класса в Тульчине. Естественно среди евреев. Ну, всякие были, но, конечно, высокого были.

АС: А вот евреи о каких-то профессиях отве... отзывались с большим таким почтением или наоборот как-то там...

ВС: У меня такое ощущение, что с большим почтением евреи, они отзывались, эти старые евреи, с которыми я говорил, они... я так понял, что... может даже быть не лично у них, а в самой еврейской общине. И вот в книжке Яблока это тоже заметил. Что большим уважением пользовалась профессия кузнеца, коваля. Почему? Ну, во первых это тяжелая профессия сама по себе. Во-вторых, есть... евреи кокурировали с местным населением. Поскольку вообще-то кузнечным делом занимались украинцы. Отсюда и р... распространенная фамилия Коваль, Коваленко, Ковальчук – навалом. И здесь

и пришлось выдержать серьезную конкуренцию, чтоб занять достойные места. А достойные места заключались в том, что в Тульчин ходит, допустим, две дороги, (нрзб), и когда люди... а, еще третья дорога эта вот... Нестерварка... вспоминает Яблок. Он даже... приводит там рассказ про семью кузнеца, которого... начались погромы в Тульчине – я не знаю, насколько достоверно ... в принципе вот он говорит о ней, что банда была в Брацлаве. Приехали подковать коня, вот, а сам кузнец был очень сильный, мощный и у него было два сына, парня, тоже физически очень сильные. А те пьяные были, члены банды. Они – давай, жидовская морда, давай подкуй. А он говорит – подожди, я сейчас... он не хотел с ними ссориться. Подожди, я сейчас сделаю, я... надо же закончить. – Шо там кинчаты? Давай тоби кажут... роби тоби шо кажут. И нагайкой ударил сына. Ну и этот кузнец одним ударом убил бандита, который ударил его сына. Остальные ускакали в Брацлав, вот... и он приводит фамилию там... очевидно, это Ляхович. Потому что главная брацлавская банда – был Ляхович. Он был сыном по рассказам... ну это надо поговорить... у нас есть э... кандидат наук. Очень... работает в архиве. Он очень серьезно занимается этим... освободительным так называемым движением. Потому что если у нас надо было это увидеть (убедить?). С другой стороны, там много бандитизма, конечно, было. Как и (нрзб) сейчас. Вот. Это была банда Ляховича. И она действительно тут в Тульчине убивала много и грабила. А потом у нас был такой священник Барбичан – вы слышали о нем, да? Барбичан. Он был местный священник в Нестерварке. Он – когда второй раз они приехали, он вышел с крестом. Сотановили погром. Я с членами семьи его был знаком. Он у них считался большим авторитетом, между прочим. Так что кузнацы – это были люди, я считаю, что они из профессии, наверное, певрое место занимали в еврейской общине с балагулами вместе. Но, видите, тех балагул, которых я помню, последних... ну, я конечно... уже они потеряли свое значение. Но у нас ходили такие легенды по Тульчину, что гибель Тульчину купили балагулы. Что когда строили железную дорогу, должны были провести ее были провести через Тульчин тоже. А балагулы были взятку хорошую кому надо. и дорога прошла мимо Тульчина. А они потом получили возможность зарабатывать свои деньги. Они развозили воду по Тульчину. Они у нас в Тульчине были особенно ценны, поскольку у нас питьевой воды в Тульчине было очень мало. Вода в центральной части непригодна для питья. Когда-то в церкви у нас хотели колодец рыть. А Денисова приехала, главный архитектор области. Она меня взяла – мы пошли туда. Она говорит – я запрещаю. Ну, достали архивные свидетельства, что в двадцатых годах тоже бр... эту воду брали на анализ, она для питья не годится. Она запретила им рыть колодец даже в церкви. Поэтому балагулы развозили овду, возили товары, возили людей. Конечно это, по-моему, что две самые такие... транспорт... две самые почетные профессии из мирских. Ну еще очень популярная была профессия портного. Так я по архивным данным вижу, что обшивал, например княгину... княжны Мнишек, графиню Потоцкую – вторую жены Потоцкого евреи обшивали. Не Франция... хотя она имела

возможность купить наряды и заказывать себе самых лучших портных. И вообще Потоцкие к себе лучших мастеров приглашали. Ну ошмвали ее евреи судя по бухгалтерской кн... записям в бухгалтерской книге. Вот такие профессии: портной...

АЛ: А сапожники тут не считались не менее почетной...

ВС: Сапожники тоже считались, да. Но, видите, у нас была до революции вот эта... сапожная там фабрика или чего... тоже там. Вообще одежда была очень дорогая. Поэтому и думаю, такие профессии, они котировались. Тем... чем раньше, тем больше они котировались. Если мы возьмем цены, допустим, возьмем цены, допустим, во времена – 200 лет тому назад – во времена Потоцкого, то на съестное очень дешевые цены. На русскую копейку можно было купить около сорока яиц, русскую копейку. Конь такой рабочий – можно было купить полтора, два рубля. Хороший конь, хороший такой крестьянский – пять – шесть рублей, такой, чтоб тягловый был. А одежда стоила... тоже (?) стоила несколько рублей. То есть... делали сами и это было очень длительным и сложным процессом. Поэтому, я думаю, что те люди, которые занимались одеждой, те люди, которые занимались транспортом – это были такие люди... в миру самые почетные профессии. Ну, еще конокрады – мне рассказывали (Смеется). Это вам почитать Средницкого – он в этом хорошо раз... Контрабандисты, конокрады. Это девятнадцатое столетие. Это связано и с русской армией тоже, поскольку коррупция была. Это ж была пограничная армия. И они занимались этим. И украинцы занимались – был свой криминальный мир. И евреи занимались. И была очень сложная система. Возьмите очерки Средницкого. Он вам все расскажет. Ну, не все, но очень многое почерпнете интересное...

АЛ: А были какие-нибудь еврейские бандиты знаменитые вот где-нибудь в двадцатые годы...

ВС: Нет, не знаю. Таких бандитов не было. Таких... не скажу... возможно, что и были, но таких вот, чтоб был живой (?)... тут своих бандитов местных украинских хватало. Хотя, возможно, что и были, но... мне кажется, что среди евреев не было распространено вот криминалитет... что там... если там занимались, то там занимались, мне кажется, какой-то незаконной торговлей больше...

АЛ: Ну а в Одессе-то...

ВС: Спиртное... ну, Одесса – то Одесса. То Одесса. Мне рассказывали историю ребята вон – у нас на старом базаре в двадцатые годы велась крупная карточная игра во время НЭПа. Ну, когда у людей... имеет человек много денег, чего он делает? Сейчас крутые что делают? Тоже в карты, наверное, поигрывают. Наши валютчики в карты играют. Крупная карточная игра велась. И наши ребята с села, такие хлопцы простии научились в селе хорошо играть в карты. Они приехали на тульчинский базар. Начали играть с нашими чемпионами. Я думаю – там без евреев тоже не обошлось...

М: Не, не заметно...

ВС: Да. Потому что у нас королем билиарда в послевоенные годы был еврей Валера. Вот. Ну, они обыграли эти хлопцы из села. Говорят – что нам с

вами играть. В Одес... в Одессу мы хотим поихать. А это – ребята, вы не поезжайте. Это Одесса. Вас там грабанут. Вы там приедете голые. – Не, мы только хотим в Одессу ехать, и все. Мы уже такие специалисты, что мы только в Одессу можем свой талант показать. Хорошо. Поехали они в Одессу. Пошли они на привоз. Нашли они публику соответствующую, и пошла крупная игра. И наши ребята вздули их. Обыграли они. Когда игра окончилась, они начали эти деньги рассовывать по карманам. Подходит один и говорит – вы откуда, ребята? – А мы там с того с Тульчинского района з Винничины приехали до вас. – Да? А вам ехать туда как? – Ну як? На поезде ихаты. – Ну, хорошо. А сколько вам надо на билет? – Ну, столько-то. – Ну, хорошо. Так вот дает... достает пистолет и говорит – деньги давайте назад. Отсчитал им сколько надо на билет и говорит – вот так, вы сидите у себя в селе, никуда не рыпайтесь, - говорит, - все равно вас обыгарют. Понятно? Деньги дал им на билет и отправил. (Смеется). Это мне рассказывал один старый еврей, такой старый... в двадцатые годы. Романтика. Мишка Япончик.

АЛ: А вот вы говорите – вот король билиарда – тут билиард везде был, да?

ВС: Билиард был... с церкви (?)... (смеется). У нас криминалитета большого не могло быть. Потому что, понимаете, там где мафия, допустим, то там всегда тихо, да? Там хулиганов, уголовников нет. А главный бандит-то у нас был в Тульчине – это ж был Григорий Иванович Котовский. Кстати, здесь на Первое мая там двадцать первого какого-то года он выступал на митинге. Вот на этой площади. Вот на этом мемориале похоронены бойца Котовского, с его дивизии. Тут его дивизия стояла. Так что он все это дело знал. Он тут их быстро успокаивал. Если ты бандит, стрелял, значит – поступай в Красную армию и будешь стрелять в кого-то. А вы знаете, что Мишка Япончик... окончил свою жизнь э... ну, где-то, наверное, километров 15 от Тульчина. Знаете его историю, нет?

АЛ: Нет, нет.

ВС: Значит, когда была организована армия Якира, Сорок Пятая армия... или Сорок Пятая дивизия даже, Сорок Пятая дивизия всего лишь, а не армия. Она держала фронт 700 километров. Штаб дивизии был в Одессе, а штаб тыла был у нас в Тульчине. Знаете, где он помещался? В доме Розенфельда. Когда у Розенфельда забрали этот дом, вот этот музей, то там выпускали газету Сорок Пятой дивизии Якира. И там была тюрьма, вот. Ну и... или прижали этого Мишку Япончика или он действительно хотел там бороться с мировыми буржуями. Основные бои шли за Вопнярку здесь. Потому что дорога была Киев-Одесса – вот кто владел дорогой. А там же была война бронепоездов и каваллерии – Гражданская война. А там война была специфическая. Там же не было окопов, линии фронта. Там все было тихо-спокойно. Дядька соби на конях там орал днем – он себе был мирный труженник. А ночью он брал этих коней или лучше волов, выходил на эту трассу, на эту залізніці (?). Эти рельсы волами скручивал в бублик и все. И бронепоезда Троцкого уже не проходили ни в какую сторону. Ни туда, ни

сюда. Поэтому шли основные бои вот здесь, в этом районе. От нас 12 километров – Журавлевка. Это станция, которую балагулы отвоевали. Потому что через Тульчин... они добились, что через Журавлевку прошла железная дорога. 12 километров. Они возили на ту желё(нрзб)... это основной бизнес у них был. Вот. И там была анархистский полк Стародуба. Матросы, балтийцы. Они перепились. И... тут были галицкие стрелки, тут были э... отборные части Петлюры. Так что их тут сильно поколошматили, вот. И Котовский тут постоянно воевал. Наверное, было каких-то там людей... или сагитировать Мишку, или как? В общем, он является к Якиру и говорит, что я организую полк. 2000 человек он организовывает полк. Причем, полк был разнородный. Там бандиты были и студенты – не знаю, как они между собой там выживали. Экипировоку они получили отличную. И них было всего там – лимонки, пулеметы, много боеприпасов – чего хочешь было. У них были это... граммофоны, большая коллекция пластинок. Они устроили митинг, на котором выступал Якир. И называли его Пятьдесят Четвертый полк имено Владимира Ильича Ленина. Ленин – говорят, очень гордился, что одесский бандитский полк называли его именем, вот. На митинге выступал Мишка Япончик, бил себя в грудь. Мне кажется – у него какие-то тульчинские корни есть. Винницкий – его фамилия, или в Виннице (?). Он где-то отсюда. Винницкий – его настоящая фамилия. Сейчас о нем много статей появляется. И у нас... и на Винничине, и в Одессе. И он сказал, что мы не бандиты. Это мы просто были революционеры: мы боролись так вот скрыто. А теперь мы будем бороться в открытую. Ну доехали они до Берзулы – сейчас Котовск. Ограбили полностью город. Но им все это как-то простили. И они тут когда высадились около Тульчина 12 километров, в Журавлевке, они атаковали какое-то село, где стояли казачьи петлюровские части. Они их чего-то лимонками забросали. Не стреляли, ни саблями, ничего. Только вот гранаты кидали. Забросали гранатами. И газеты выходили петлюровские – тут есть они в архиве Винницы – то там отмечали храбрость, что атака была проведена очень храбро. А потом чего-то им стукнуло в голову, они начали все бежать. Сами по себе. как-то там паника началась. Вот. И... я читал статью одного исследователя. Он утверждает, что ЧК захватило Мишку Япончика и поставило его к стенке. И расстреляло. И все. Так он у нас и кончил свои дни.

АЛ: Так он же был... в отряде...

ВС: Это тысяча девятьсот двадцатый год. Его расстреляли как дезертира. Что он бросил линию фронта и убежал...

АЛ: Это в газете, да, писали?

ВС: Да. Нет, это сборник я читал. Какой-то исследователь там... я читал – мне еще привозили книжку “История Сорок Пятой дивизии”. Где-то вышла в двадцать седьмом или в каком году. Там правду писали, понимаете? Там не так, как сейчас – все такой лакированное там.

АЛ: Понятно...

ВС: Там вещи называли своими именами. Так, что еще? Какие вопросы есть?

АС: А тульчинские евреи про Одессу как то вам там... нукак-то что-то говорили? Были какие-то оценки там – не знаю там.

ВС: Не знаю. Может, и говорили. Я об этом вам ничего не могу сказать.

АС: А вот это, вот на этом плане – там улица... значит, туда идет церковная а туда – на плане нарисовано, что Синагогальная.

ВС: Синагогальная, да.

АС: А они ее как-то называли... или... или вот уже... (нрзб)...

ВС: Не знаю... так она называлась в начале двадцатого столетия – Синагогальная.

АС: А вот когда про синагогу рассказывал вот этот человек, он не говорил, что она стояла вот так... не назвал улицу как-то на...

ВС: Нет...

АС: То есть не пользовались почти названиями улиц, наверное...

ВС: Названия улиц, видите... улицы были... у нас не назывались в Тульчине. Вот годы моего детства – вот такая улица. Так я – уже советское время были – у нас всегда говорили – около чего. Около обувной фабрики, о... это понятно. Это было традиционное такое. Я не знаю, насколько оно там далеко уходило корнями. Какие традиции. Но никто улицы не называл. Потом – я читал исследования серьезные винницких исследователей – названия улиц... наверное, процессы были одинаковые, что в Тульчине, что в Виннице. Только мы отставали на несколько лет. Но паспортизация улиц, название их, оно в основном происходило в конце девятнадцатого, начале двадцатого столетия. А до этого они назывались или какими-то районами или какими-то там дорогами, допустим. А само такое понятие улицы – вот посмотрите на старые планы, там...

АС: Нет-нет...

АЛ: А вот евреи говорили, да, вот про улицы. Вот там попадались в рассказах... все время упоминания разных улиц.

АС: Да, то есть просто... да, рассказывали, говорили... Шулгос (?)

ВС: У нас я (нрзб)... у нас, у нас не заведено называть улицы. У нас – около чего.

АЛ: Ага, по-еврейски, может быть... не называли (нрзб)...

ВС: Это по месту. А?

АЛ: По-еврейски не называли эти улицы...

АС: Вот такое название Шулгос вы не слышали?

ВС: Не, не слышал никогда такого. А что, такое есть, да?

АС: Да... ну вот...

ВС: Ну, может быть...

АЛ: Ну вот Синагогальная улица просто...

ВС: Гагарина (?)?

АЛ: Синагогальная.

АС: Нет, там на самом деле они говорят Шулгос, но не очень понятно, о чем именно идет речь. Понятно, что около синагоги. Потому что шул... э... вот...

АЛ: Шул...

АС: И шил... и шул...

М: Скажите, а вот когда начался отъезд евреев. Где-то начало девяностых, наверное, да, в основном?

ВС: Нет. Отъезд евреев начался в семидесятые годы. Правда, единицы только уезжали.

М: Куда уезжали?

ВС: Начали... во-первых, сильная миграция в послевоенные годы была, она не была за границу. Это был отъезд в большие города. Это равлись не только евреи, это рвались все... но поскольку...

М: Города Винница, Одесса, да?

ВС: ВИНница, Винница – это наши, простите, наши двоечники, дураки украинцы такие жлобы... потому что Винница – это заводы: радиолампный завод там был, химзавод. Там надо было вкалывать, в Виннице. Винница не была Меккой для местных ребят, которые хорошо учились. В Винницу не стремились. Вот я работал в сельской школе. Вот мои ученики кончают школу – они в Винницу. Их там всех под метелку – раз, и на какой-то там завод послали. Они там трудились себе. а те ребята, с которыми я учился – среди них было много евреев и много хороших учеников. Школа была она очень хо... я вашим девочкам вчера об этом рассказывал. Там Могилевский был еврей – директор школы.

АС: Угу... да, они говорили нам.

ВС: ТО... в классе, где я учился, допустим, было 11 золотых медалистов. Среди них много евреев. Мальчики почти поголовно евреи. Они – в Харьков, в Киев, в Ленинград, Москва. Вот это такие места, куда они выезжали. Потому что там... меняли фамилию, меняли национальность. Если он учился (?) Геккер, он стал Филенко. Это обычно...

М: А в Израиль выезжали в семидесятые годы?

ВС: В Израиль выезжал только мой учитель. У нас была такой – Пинкас Леонтьевич Легенбок. Он сам родился в Чехословакии. И в семидесятые годы начал ехать в Израиль. Он как раз перед Семидневной войной уехал. Я все время шутил – говорю – ты у нас (?) нынче поджигатель войны. Как едете в Израиль, сразу война начинается. Вот. У него какая-то тетка была. Он от нее получил наследство. И он хотел это наследство... не хотел выехать туда. он хотел это наследство увезти сюда. Но ему не разрешили. Вот. И он выехал туда. у него сын был в шестом классе. очень долго. Он очень хлопотно пробивал. Но человек был дошлый. Он... родился в Чехословакии и жил... потом Гитлер пришел в Чехословакию, он убежал в Польшу. Гитлер вошел в Польшу, он убежал в Францию. Гитлер вошел в Францию – он в Советский Союз. Его тут послели в Ташкент... он готовил на... экзамены на звание кандидата или доктора по иностранным языкам. Ну, ему дали 10 лет, чтоб он меньше болтал.

М: А вот события Шестидневной войны, здесь вообще какая-то была реакция? Вот еврейская, не еврейская?

ВС: Ну, с евреями мы на эту тему говорили. Я думаю, что реакция у них была. Но об этом они предпочитали молчать. У нас такие случаи... в Одессе

– я помню... я учился в университете в Одессе, так мне рассказывали, что... такой случай. Один моряк заходит побриться к еврею парикмахеру. А тот разговаривает с своими коллегами. Говорит – о, как там наши дают. Тот добрил моряка. Тот вместо того, чтоб заплатить ему, дал ему в морду, отвел его в милицию, вот. Говорит – я тебе покажу наших. Знаете... потому что о таких вещах не говорили. Уже (?) анекдот знаете, как это... как в Москве за антисемитизм судили двух советских людей? – А чего это вы евреев побили в центре Москвы? Они говорят – утром включили радио. А они уже на Галанских высотах. Днем включили радио – они уже на Суэцком канале. Вычером выходим в пивную – они уже здесь. Ну мои (?) говорите – да... де...

М: А когда началась вот эта... большой отъезд девяностых – куда ехали? В какую... какую страну вообще предпочитали местные евреи?

ВС: Вы знаете, что вот... я, судя по своим друзьям детства, оторые выезжали... вот у них какие-то... куда-то их тянуло – они сами не знали, куда. Потому что мне кажется, что они сами не знали, куда ехать и чего ехать. Наверное, у них еще было мало информации. Но у нас был такой Вайсман – вам, наверное, о нем говорили. Так вот я говорил с одним лейтенантом КГБ, который следил за мной и за такими ненадежными товарищами... ну, он попутно там и рассказывал тайны своей профессии тоже. Он говорил, что есть такой общак... что евреи хотят выехать в Израиль – они сдают деньги. А там они получают. А как, - говорит... «А как он работает – мы не знаем». И что якобы все это Вайсман. А Вайсман бл первый комсомолец, ворошиловский стрелок. Вот... член партии. И он тут вывозил их. Его машины выезжали за границу. Ну, это вам лучше поговорит с Швейбыш, она вам это лучше расскажет. А те... мои соученики, допустим, когда они уже начали выезжать, то... когда они побывали в Германии, в Америке, они начали предпочитать... я не скажу, что во всех случаях. Но во многих случаях начали предпочитать Израиль. Потому что говорят – в Германию приехали, а там рабочий день начинается в шесть часов утра. А там, говорит, в полпятого уже все – отдых. А в полдевятого все ложатся спать. И ни звука! А у нас же только ж это самое... мы ж советские люди. Повеселиться-то надо. а тут надо, чтоб тихо было. Поэтому... у меня соученица... муж ее тоже еврей был... он у нас был крупным начальником. Они получили визу в германию. А я готовил ее дочку по-немецки... немецким языком занимался. Вот они документы получили, все. Они говорят – мы едем в Израиль. А чего? А там, говорит, побывали. А там у них старшая дочь. Лет 10 уже жила в Германии. Ну, побывали у дочери, посмотрели, говорит. - Там нам не нравится. Там, говорит, как тюрьма. Благоустроено, конечно, хорошее... Так что в последнее время в Израиль и в Америку.

АЛ: А приезжают оттуда...

ВС: И много... да, и многие, которые поужезжали в Германию – очень много евреев поужезжали в Германию, мои друзья поужезжали... вот он приезжает из Германии, говорит – знаешь, там многие бы вернулись назад. Потому что... говорит – мы там ненужные, мы там лишние люди. Это не

наше. Конечно, не голодают, не бедствуют. Но они там люди второго сорта.
Будем говорить так, как есть.
(Обсуждают, куда кто пойдет, конец записи)